

**Алексей
АХМАТОВ**

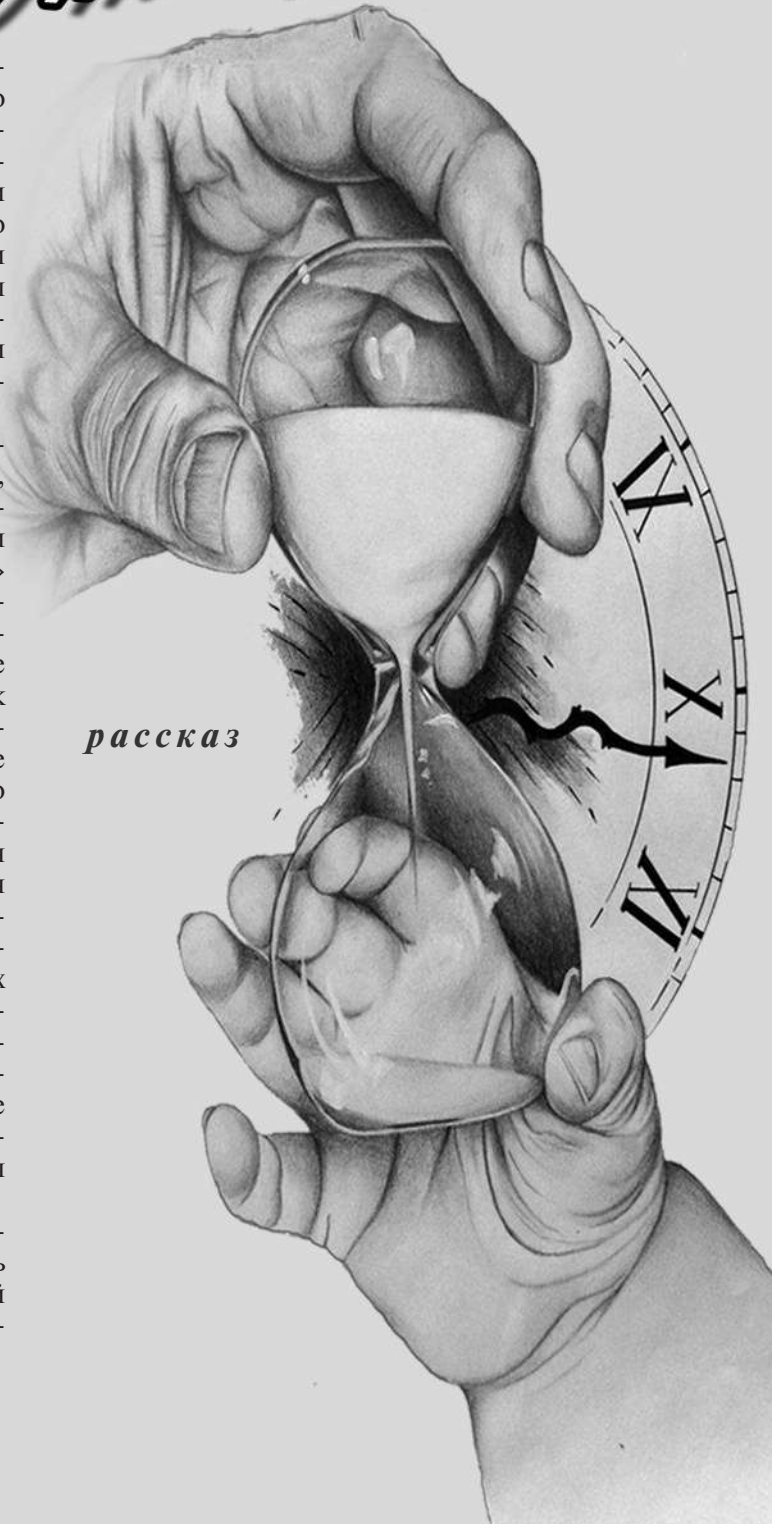
г. Санкт-Петербург

Открытие

Сделав очередное открытие, доцент кафедры русской литературы Герценовского университета Александр Владимирович отошел от растапливаемой печки и сел за ноутбук. Все пазлы давно нащупываемых фактов и впечатлений наконец сошлись в достаточно ясную картину. Дело касалось ни много ни мало ускорения времени. Он сформулировал для себя, отчего время с течением жизни переходит с нормального хода на стремительный и летит все быстрее, к старости проматывая целые годы как мгновения.

Он припомнил жалобы своего отца незадолго до смерти: «Представляешь, я просыпаюсь, выхожу на кухню приготовить себе чего-нибудь, прибору, посуду помою, соберусь выйти — а на дворе уже ночь. Куда день девался?» Собственные впечатления были не менее показательны. Александр Владимирович вспомнил, как прогуливал однажды в детстве школьный урок, бродя все положенные сорок пять минут по заросшей узкоколейке за школой в сухой желтой траве, и как мучительно не двигалось время. Он то забирался на ржавую рельсу, пытаясь удержать равновесие, то прыгал по гнилым просмоленным шпалам, считая неравномерные пролеты между ними. А время стояло и не двигалось. Уж проще было отсидеть урок и получить свою заслуженную двойку за несделанную домашнюю работу. С тех пор он не прогуливал. Нынче же пары, которые он вел в университете, пролетали, едва успев начаться. Да что пары... дни, недели, месяцы просто-напросто сгорали, как газетные листки. И это требовало разумного объяснения. Александр Владимирович бегло застучал по клавиатуре:

«...Поскольку ощущение ускорения времени испытывают на себе все, его не спишешь на личную мнительность. Это объективный процесс... Но ведь не ускоряется же оно реально?»

рассказ

У мозга есть ценнейшее свойство, без которого никакое сознание, никакое мышление не было бы возможно. И именно это свойство приводит к печальным последствиям».

Он оторвался от монитора и посмотрел в окно. Мозаика опавшей листвы, бурые стволы сосен, чуть голубеющее небо с легким налетом облачков по краю. Закопанный пейзаж больше всего напоминал компот из сухофруктов — приторно сладкий от хрестоматийности осенних красот и в то же время прозрачный и освежающий чистый. Нехотя Александр Владимирович вернулся к тексту:

«...Мы изо дня в день просыпаемся, встаем, чистим зубы, застилаем постель. Завтракаем. И мозг понимает, что ему не обязательно хранить в памяти каждое подобное утро, похожее одно на другое как две капли воды. И, естественно, он начинает обобщать, чтобы не разбухнуть от лишней, совершенно одинаковой информации. Он объединяет сто подобных утр в одно. И сто подобных дней, и сто подобных дел. Сто в одно. Вот и разгадка. Сознание, защищаясь от избыточной информации, соединяет множество дел, встреч, поступков в одно дело, одну встречу, один поступок. Переводит одни и те же действия в разряд механических, не заморачиваясь на деталях. И это касается всего. В детстве каждый поступок — новый опыт, не похожий на предыдущий. Для нас все поступки разложены по полочкам, по отдельным ячеечкам. Поэтому в детстве так долго длятся часы и минуты. Их очень много. Они занимают обширное место. С течением времени множественные поступки обрабатываются мозгом, формируются в подобные, архивируются, и вот уже занимают куда меньше места. День становится компактен. И нам кажется, что время летит. Ускоряется. Мозг не сохраняет все поступки, он хранит сумму поступков как один! И сто дней проходят как один. Пролетают...»

Тут Александр Владимирович заметил в углу монитора мигающий значок батареи. Перетряхнув содержимое рюкзака, он с досадой обнаружил, что оставил дома провод от ноутбука. За окном заелозил мелкий октябрьский дождик. Растопленная печь только-только начала отдавать живое тепло. Ехать за зарядкой в

город, тратя на дорогу туда и обратно деньги и время драгоценного выходного, было невыносимо. Просить кого-то из друзей — бесчеловечно. Да никто и не поедет. Напрячь своих студентов... вот это можно было попробовать. Тем более что выходные, тем более что кому-то очень нужны зачеты, тем более... и тут Александр Владимирович вспомнил, что буквально на этой неделе он помогал с подбором материала для стенгазеты симпатичной старосте второго курса — Даше Петровой. В процессе общения выяснилось, что их дачи расположены на одной и той же выборгской ветке, только у нее на две станции дальше от города, чем у него. Полистав записную книжку, он с некоторым трепетом набрал ее номер:

— Здравствуйте, Даша, вы случайно не собираетесь ехать на дачу?

— Здравствуйте, Алексанвлдимрч-ч, — скрадьвая гласные и упирая на жесткое «ч», произнес приятный женский голос, — вроде бы нет.

— А, ну тогда отпадает, извините за беспокойство...

— Что отпадает?

— Просто я думал, если вы поедете на свою дачу, обременить вас небольшой просьбой.

— Какой, Алексанвлдимрч-ч?

Он замялся, но все же решил проработать этот вариант до конца:

— Да понимаете ли, я зарядку для ноутбука забыл. И подумал, если бы вы поехали на свою дачу, то могли бы захватить проводок у меня дома, а я бы подошел к вагону, и вы бы мне его передали...

— Нет, на дачу мне ехать не надо, — с некоторой паузой произнесла задумчиво Даша, — но сегодня я совершенно свободна и проводок вам могу завезти без особых хлопот. А кто мне его передаст? У вас есть кто-то дома? Жена?

— Наверное, делать такой путь просто так, из-за одного проводка, не очень удобно... — словно не слыша вопроса, говорил Александр Владимирович, почему-то боясь остановиться.

— Ну давайте я привезу вам много проводков!

— Остроумно!

— Нет, ну в самом деле, ничего неудобного. Вы ж без этого проводка работать не сможете?

— Не смогу. Но так откровенно использовать свое служебное положение, мне кажется...

— А я приеду не просто так, — внезапно перебила его Даша. — Вы напоите меня горячим чаем и расскажете что-нибудь поучительное.

— Да с удовольствием! — воскликнул Александр Владимирович, чувствуя подозрительные нотки, но все же продолжая: — ...И не только!

— Что же еще? — томно произнесла Даша.

— Накормлю тушеными овощами собственного приготовления! — В трубке на короткое время повисло напряженное молчание, и он, чтобы скрыть некоторую неловкость, продолжил: — ...Не знаю, насколько это поучительно, но могу поделиться с вами некоторыми открытиями. Жизненными.

— Тогда говорите, где и как я должна взять этот проводок, Александр Владимирович.

Чрезвычайно довольный таким поворотом дела, он продиктовал ей адрес и, пообещав в назначенный час встретиться на платформе, радостно отправился тушить перцы и баклажаны.

«Похоже на начало дачного романа, — усмехнулся он сам себе. — Юная студентка приезжает к нестарому еще преподавателю. Дом натоплен. Овощи натужены. Коньяк открыт. Они одни в скрипучем осеннем, протопленном доме. Вполне классическая, но пошлая картинка...»

Конкретно Дарья, несмотря на всю свою эффективность, раньше не была для него серьезным объектом влечения. Так, всего лишь некий раздражающий фактор. И все же... в контексте данного разговора, с этим: «а я приеду не просто так...», и особенно с протяжным «ч-ч» в конце его имени, ее образ показался весьма притягательным, и что-то слегка зашекетало под сердцем.

Пора было идти встречать студентку. Дождик прошел. Сад был невероятно ярким на пике горения листвы. Слишком правильно рдеющие клены были просто эталонами осенней красоты. Этакое бесстыдное цитирование полотен Левитана. Безудержные штампы, но при этом глаз радовался этим повторениям, в отличие, например, от штампов в тексте.

«Интересно, почему зрительные клише не отталкивают от себя, как текстовые? — подумал он. — Ведь штампы типа «золотой осени» после Пушкина уже плохой тон. А может, это свойство только искусства? А природа принимается нами любой, с любым количеством повторов? Или вот женщины. Отношения с ними тоже один большой штамп. И не надоедает, не приедается. Вот едет Даша... Неспорота же едет. И ясно как божий день, что лучше не переходить за грань. И не хочется залезать в непонятные отношения, а все равно щекотно».

Всякая щекотка мгновенно исчезла, когда из раскрывшихся дверей электрички Дарья вышла, держа за руку неизвестную ему сутулую худенькую девушку ниже себя ростом.

— Здравствуйте, Александр Владимирович! — сказала она и подтолкнула вперед свою спутницу. — Это моя сестра... младшая. Ира.

Такого поворота Александр Владимирович никак не мог предположить, но тем не менее, слегка пожав плечами, произнес свое имя.

Ирина протянула ему свою нескладную, очень холодную ладонь, и он чопорно пожал ее.

— Это наш самый лучший преподаватель... и добрый. Он читает у нас лекции по литературе, я тебе рассказывала, — обратилась Дарья к сестре.

— Да, это я, — попытался отшутиться Александр Владимирович, — самый умный, добрый и справедливый.

— Последнее качество отменяет оба предыдущих, — рассудительно заметила Ирина, и на недоуменный взгляд собеседницы добавила: — Потому что, по справедливости, всех вас нужно было давно разогнать самым жестоким образом.

— Почему же? — удивился такой критичности Александр Владимирович.

— Ирина считает, что я и все мои подруги «ленивы и нелюбознательны».

— Так уж и ленивы, — улыбнулся он в свою очередь, — вон, не поленились же зарядку своему преподавателю привезти за тридевять земель. При этом совершенно бескорыстно!

— Как же, бескорыстно, — заметила Дарья. — Мы приехали на чай, тушеные овощи и «не-

которые жизненные открытия». Извините, что я вас не предупредила про Ирину. В последнюю минуту так обстоятельства сложились. Ее сейчас никак в городе оставлять нельзя. Вы же не против?

На мгновение Александру Владимировичу показалось, что сестры с осуждением переглянулись.

— Я говорила, что могу по городу погулять, пока ты едешь, — вздохнула Ирина.

— Не знаю, кто чего может, но моего приглашения это несколько не отменяет и ваш приезд ничего не нарушил. Идемте обедать!

— А есть тут у вас магазинчик? — снова спросила Ирина, словно старшей сестрой была именно она.

— А что вы хотели в магазинчике? У меня, в принципе, все есть.

— Мы бы вина взяли какого-нибудь сухого.

— Коньяк подойдет?

— Нет-нет, я не пью крепкого, — пролепетала Ирина.

— А я пью, — уверенно сказала Дарья, — но в магазинчик мы все-таки заскочим.

Андрей Владимирович кивнул, и сестрички зашли в привокзальный ларек. «Ну и что это будет? — сам себя спросил он. — Как себя вести? Что делать? И зачем?»

Непонятным образом все, что происходило, носило на себе отпечаток неуправляемости. Он не контролировал происходящее. Оно, это происходящее, как бы не учитывало его самого. Он чувствовал себя актером, задействованным в каком-то фильме, который сам до конца не знает всех уготованных режиссером перипетий. Даша была чертовски хороша и весьма выигрышно смотрелась на фоне Ирины, которая, кстати, совершенно на нее не была похожа. Ни единой черточкой. При этом именно младшая сестра казалась в их тандеме ведущей. И здесь, возможно, появилась с совершенно неясной, хотя и ощутимой миссией.

Когда девочки вышли из магазина и все трое продолжили движение, на Александра Владимировича, в противовес безудержному воркованию на перроне, напал какой-то ступор. Говорить было практически не о чем. Чтобы покончить с неловкой паузой, он показал паль-

цем на небольшой желтый домик за невысоким забором:

— Знаете, кто здесь жил раньше? — и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Этот домик раньше снимал известный писатель Алексей Герман.

— Он кем-то приходится режиссеру Герману? — спросила Ирина.

— Отцом. Здесь и младший частенько бывал. В детстве. Причем последний был, говорят, ленив и нелюбознателен. И довольно плохо учился. А уроки ему помогал делать сам Евгений Шварц.

— Это который «Обыкновенное чудо» написал?

— Да! Вообще-то, известных Шварцев очень много было. И писатели, и композиторы, и даже математики. Но тут был именно этот. Он еще много чего написал. И «Тень», и «Дракон», и прочее. Герман и Шварц снимали этот дом на двоих, когда с гонораров одного на аренду не хватало.

Девочки сосредоточенно пинали сухие листья ботинками и молчали.

— А это дача Даниила Гранина, — показал Александр Владимирович на мрачноватый, обшитый серым сайдингом двухэтажный дом слева по курсу.

Снова не почувствовав особой заинтересованности, замолчал и он, больше не предпринимая попыток завести «светскую» беседу. Так, не торопясь, они дошли до дачи.

— Обещанные овощи, — торжественно объявил хозяин, усадив гостей за небольшой круглый и плотно уставленный посудой стол. На нем, кроме тарелок, бокалов и ароматной дымящейся сковородки, возникла бутылка коньяка и купленное девочками сухое вино.

Они выпили за встречу и знакомство.

— А вы еще что-то про некоторые жизненные открытия обещали рассказать, — подначила Дарья.

— Да, конечно, — задумался Александр Владимирович. — Могу предложить, например, такое... глобальное, посетившее меня совсем недавно. Знаете, отчего время с течением времени — не считите за каламбур — течет все быстрее? Замечали, что дни проносятся все

незаметнее, годы становятся как бы короче?

— Вероятно, Бог устает возиться с нами, — как-то очень серьезно произнесла Ирина. — Слишком нас много, и слишком мы одинаковые.

— Одинаковые? — поразился этому слову Александр Владимирович.

— Ну да. Зачем нас столько? Он понаделал себе игрушек, которые стали множиться самостоятельно. И Он устал от нас и теперь старается поскорее свернуть эту лавочку.

— Забавная теория, — улыбнулся хозяин. — Напоминает мне прочитанный когда-то роман... Автора не помню, а вот странное название в памяти сохранилось: «Причины смерти», кажется. Там прямо так и описывается: Богу надоело его творение, и Он пытается в короткий срок доиграть в наш мир, как в компьютерную игру. Все начинает разрушаться, а люди — стареть.

— Нет, я такого романа не читала, — ответила Ирина.

— Если бы все было так просто, на уровне простых переключений наших ощущений на Бога, я бы не называл это открытием. Хотя мое объяснение тоже не слишком сложное. Итак, все мы чувствуем, что к старости... — тут Александр Владимирович осекся, отметив про себя, что он второй раз подряд говорит слово «старость» рядом с этими молоденькими девочками, совсем не желая поднимать подобной темы.

— Почему вы замолчали, Алексанвлдимрч-ч? — наконец-то очнулась Даша.

Хозяин дачи сделал вид, что сосредоточился на уходе за гостями, подогрел и положил всем еще овощей, разлил вина и продолжил, вкратце пересказав то, что записывал про течение времени до их прихода.

— Это интересно, — задумчиво сказала Ирина, разглядывая хозяина дачи через бокал. — Наверное, Бог действительно ни при чем.

Александр Владимирович откинулся на спинку стула. Алкоголь потихоньку делал свое дело. Стало несколько спокойнее, и он более внимательно смог рассмотреть обеих девочек. Старшая искоса поглядывала на него крупными блестящими глазами и время от времени неявно улыбалась. Или просто чуть приоткры-

вала губы, что напоминало многозначительную улыбку. Ее пышные русые волосы постоянно прикрывали то одну, то другую половину лица, и она изящным жестом смахивала их вбок. А младшая, напротив, ни на кого не смотрела и сжимала узкие губы, словно все время на что-то досадуя. Ее жидковатые черные волосы торчали трогательным ежиком, поддержанные, скорее всего, каким-нибудь лаком. Сестры были совершенно разными, и между ними все время чувствовался какой-то подспудный, неявленный диалог, который слышали только они.

— Тут же где-то Ахматова неподалеку жила? Мне Даша рассказывала... — спросила Ирина.

— Да, последние десять лет своей жизни... С тех пор тут мало что изменилось. — Глядя на нее, Александру Владимировичу почему-то захотелось курить, хотя он бросил лет десять назад.

— И вы постоянно тут обитаете? — вступила в разговор Даша. — И все время один?

— Ну почему же один? — пожал плечами хозяин. — Ко мне часто друзья приезжают. Да и с работой университетской, с лекциями моими не так часто в эту тишину вырваться удается.

— Но у вас чисто тут, аккуратно, не по-холостячки, — продолжила Дарья, — чувствуется женская рука...

— Александр Владимирович, — внезапно перебила сестру Ирина, — а расскажите еще про свои открытия. Ведь, судя по вашим словам, их много?

— Ну, много не много, — с явным облегчением переключился на другую тему хозяин, — а кое-что действительно есть. Меня в основном интересуют центральные вопросы бытия, которые как бы лежат на поверхности, которыми задаются многие, но внятных ответов найти не удается.

— Например? — произнесла Ирина под досадливый вздох старшей сестры, которая даже не потрудилась этого скрыть.

Вздох предназначался Александру Владимировичу. Было видно, что Даша хотела говорить о другом.

Он считывал этот посыл, но странным образом ловил себя на том, что ему все больше интересна маленькая невзрачная Ирина, нежели «дымчатая» красавица Дарья. Налив девочкам

вина, а себе — коньяку, Александр Владимирович негромко начал:

— Все в мире предопределено. Все закономерно и течет только так, а не иначе. Разделяете этот тезис?

Несмотря на то что говорил он во множественном числе, обращение на самом деле было только к Ирине, и Даша это почувствовала.

— А я не вижу никакого смысла заморачиваться на тему фатализма, — вдруг твердо произнесла Ирина, и Александр Владимирович от неожиданности тут же, практически без всякой паузы, налил себе коньяку снова.

— Вот как? Не интересна тема?

— Не то чтобы сама тема... Скорее, отношение к ней. Предопределено все или не предопределено... Для нас, как для подопытных мышей, какая разница? Ни в том, ни в другом случае мы сами не знаем своего будущего. То есть переживать, волноваться и бояться будем что так, что эдак. Зачем тогда думать о предопределенности? Она ведь не нами предопределена. Никакой разницы для нас. Чисто умозрительные рассуждения, лишённые хоть какого-то значения. Мне всегда непонятны были эти лермонтовские стенания по поводу...

— Это правда, но все же, — перебил ее Александр Владимирович, слегка растерявшись, — мне не все равно. — Возникла легкая пауза. Он немного собрался с мыслями и продолжил: — Да и вообще, как может быть «все равно» то, что является основой всего сущего. Даже если это впрямую здесь и сейчас нас не касается? То, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, как считалось когда-то, тоже нас не касается впрямую, и никакого воздействия на сон и аппетит не оказывает. Однако же люди в тюрьму и на костер за это открытие шли. Это естественная тяга человека к познанию мира!

— Тяга тягой, но умозрительно нам все равно до истины не докопаться. Инструментов-то нет, — не сдавалась Ирина, ероша жидкий черный ежик на макушке.

— Как это нет? — снова удивился хозяин.

— Да так! Каким образом можно сделать вывод, что все предопределено?

— Вот вы Лермонтова упомянули...

— Да, потому что там глава «Фаталист» есть. Описан серб... как его?..

— Вулич, — подсказал Александр Владимирович.

— Да, Вулич, стреляясь, остался жив благодаря осечке. А потом был зарублен безумным казаком, насколько я помню. И что? Это ведь могло быть результатом случая. А могло быть «написано на небесах». Совершенно бездоказательно!

— Не поверяется алгеброй, хотите сказать? А вот как раз алгеброй-то и поверяется, — постепенно взял себя в руки Александр Владимирович. — В этом-то и состоит суть моего открытия.

— Да ну? — наконец-то хоть что-то выдавила из себя старшая сестра, пытаясь тоже поучаствовать в разговоре.

— Ну да! Все проще, чем кажется, — даже не взглянул на нее Александр Владимирович. — Вот, например, есть такая красивая игра — бильярд называется. Видели когда-нибудь, чемпионаты по телевизору показывают?

— И что? — спросила младшая.

— Игроки не как-нибудь хаотично, а прицельно бьют по шарам. Шар катится со строго заданной скоростью, в строго заданном направлении. Сталкивается с другим шаром, который тоже, в свою очередь, отскакивает в строго заданную сторону со строго заданной скоростью, обладая строго заданным весом, преодолевая строго заданное сопротивление сукна, и так далее.

— И что?

— А то, что все, в соответствии с законами физики, строго задано. Масса, вектор, скорость, угол падения, угол отражения, объем шара, величина лузы.

— Так...

— Вот так и есть...

Они выпили как-то машинально, даже без тоста. Александр Владимирович продолжил:

— Движение шаров строго обусловлено математическими расчетами. Человек считает неважно, но если, например, кому-то пришлось бы в голову создать робота-бильярдиста, тот забил бы все шары без проблем, поскольку их движение просчитываемо. Только его смысла нет создавать, поскольку с ним иг-

рать неинтересно. Вон в шахматах создали — так теперь машины стабильно у человека выигрывают. Помните поэму Маяковского... хотя этого сейчас в школе не проходят. А вот в мое время учили:

*Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне бильярд —
отрациваю глаз,
шахматы ему —
они вождям полезней.*

— А я помню. — Ирина все больше заполняла сознание Александра Владимировича. — Я Маяковского люблю очень. И она довольно уверенно продолжила:

*И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человеческой диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.*

— Какие начитанные у меня студентки, — усмехнулся Александр Владимирович.

— Не у вас, — зыркнула на него глазами Дарья, хотя было видно, что ей немного приятно за свою подкованную сестру.

— А жаль, — подыграл хозяин, но тут же одернул себя, — впрочем, я не об этом. Просто бильярд натолкнул меня на элементарную мысль, которая очень наглядно иллюстрирует всю предопределенность мироздания. Понимаете, ведь все это мельтешение частиц и молекул только на первый взгляд хаотично. Броуновское движение только потому броуновское, что частиц очень много, а машины, чтобы просчитать все их столкновения и углы отражений, еще не изобретено. Но для утвержде-

ния фатума такой машины и не требуется. Достаточно просто понимать, что каждая частица имеет заданные параметры. Все эти массы, объемы, скорости, направления. И сталкиваются они с другими частицами тоже со строго определенными параметрами. И те, вторые, летят при столкновении не куда хотят, а именно туда, с той скоростью и под тем углом, который задают толкающие их первые.

— Кажется, мы начинаем понимать суть метафоры... — неожиданно за обеих сестричек высказалась младшая.

— Да, — отозвалась Даша, — и наше появление на вашей даче тоже было запрограммировано миллионы лет назад столкновением атомов и частиц!

— Чего там миллионы? При большом взрыве. Разлетелись первые частицы, и пошло-поехало. Достукались они друг об дружку до наших дней. И вот мы сидим здесь на моей даче сейчас и пьем коньяк. Поскольку все не случайно, — радостно поддержал Александр Владимирович. — Я говорил: все проще, чем кажется. Проще на словах, конечно, ведь все-ленная бесконечно сложна. Частиц много, они разных свойств и направленности, но все они подчинены законам физики. А значит, они движутся не случайно, по строго заданным траекториям. А это значит, что все эти столкновения — есть следствия других столкновений. А мы и все вокруг состоим из этих частиц. Значит, что? Значит, все в мире происходит только так и не может происходить иначе. Предопределено.

— Это действительно просто, — кивнула Ирина.

— Мы, конечно, многого не знаем... Но поскольку мы точно можем быть уверены, что все предопределено, то возможно... Возможно, что какие-то органы чувств или даже не органы, а нечто... В общем, изредка человек может как-то считывать, что должно произойти. И Печорин в «Фаталисте» каким-то образом — каким, он и сам не понимал, — но знал, что этому сербу — конец. Вот ведь какая штука.

— Да, интересная гипотеза. Но на ее базе, кстати, можно построить еще одну, которая может перечеркнуть предыдущую если не полностью, то, по крайней мере, наполовину, —

сказала, отхлебнув из бокала, Ирина, все больше удивляя хозяйина дачи.

— Продолжайте...

— Возможно, тут кроется главное отличие живой материи от неживой, — задумчиво продолжила она.

— Где именно?

— Моя логика проста. Повторю вашу мысль: все неживое движется по заданным траекториям с заданной силой. Правильно? А живое, возможно, именно потому и живое, что имеет способность выбирать.

— На основании чего?

— Так именно на основании того, что живое. То есть следующий этап существования материи. Как бы иное агрегатное состояние вещества. Это как вода до ноля градусов по Цельсию имеет строгую кристаллическую решетку, а после ноля становится жидкой, то есть становится носителем совсем иных свойств. В физике такого много. Одни и те же вещества в разных условиях совершенно меняют свои свойства. Так же, возможно, и жизнь. Она как бы стоит над неживой материей, которая движется по четкому уставу. А человек, или там амеба любая, так или иначе принимает решение. Куда двигаться, как, с какой скоростью. И тут уже догмат фатума отступает напрочь. А?

Ирина явно была довольна собой.

— Об этом я как-то не думал еще, — удивился Александр Владимирович.

— Ну да! И тогда именно жизнь отменяет все законы предопределенности в мире. Вот где свобода воли! — В ее голосе чувствовалось нескрываемое торжество.

— Вы, Ирина, просто поразили меня. — Он как бы невзначай взглянул на Дарью. Та сидела с каменным лицом, разглядывая потолок и стены. Но он был слишком захвачен своей мыслью, чтобы остановиться: — Определение жизни как таковое в словарях ведь очень туманно дано. Они практически беспомощны. Жизнь — это активная форма существования материи, высшая по сравнению с неживыми формами. Способ существования белковых тел... в общем, ерунда. В неживом Солнце активности поболее будет, чем в нашем желудке, к примеру. Способ существования — вообще ничего не объясняющее масло масляное. А тут

можно на отличную формулировку выйти. Вы, кстати, на овощи налегайте, остынут.

Ирина надолго задумалась. Они выпили еще по одной. На веранде постепенно становилось зябко. Александр Владимирович сходил в комнату за пледами и обогревателем.

— Сегодня, значит, вы тоже подарили мне открытие, — присев, проговорил он. — Может, в свободе воли, свободе решения, куда двигаться, не подчиняясь углам падений и отражений, и есть главное чудо жизни?!

— Там, где есть чудо, обязательно должен быть и Бог, — многозначительно сказала Ирина.

Они выпили за жизнь и зажгли свечи. Вокруг стремительно темнело. На тюле в высоких окнах затрепетали гигантские тени. Обогреватель неплохо прогрел веранду, и Александр Владимирович решил не переносить застолье в дом. Дарья посмотрела в интернете расписание электричек и, выбрав последнюю на Петербург, объявила, что скоро придется собираться.

Александр Владимирович подошел к окну, всмотрелся сквозь тюль в плотные сумерки и, немного прижав со стола, поставил вазу с фруктами:

— Что ж, на посошок?

— Больше открытий не будет? — спросила Ирина.

— На сегодня, думаю, достаточно, — пожал плечами Александр Владимирович. — Мне ведь еще новые, подаренные вами, нужно переварить.

Они выпили на посошок, довольно быстро молча собрались, оделись и вышли в холодный осенний сад, подсвечивая себе путь телефонными фонариками.

— А знаете что, — проговорила Ирина, как-то нелепо вцепившись в руку старшей сестры и еле поспевая за нею, — я вам очень благодарна за то, что вы потратили на нас свое время.

— Нисколько не потратил и тоже вам благодарен, — ответил Александр Владимирович, восторженно поглядывая на Ирину. Рядом со своей сестрой она казалась совсем маленькой. Слово дочка.

Заморосил мелкий, но уже невидимый в темноте дождик. На платформе не было ни души.

И будка кассира оказалась почему-то заперта. Девочки тревожно озирались, но электричка не шла. Когда стало понятно, что последней уже не будет, Александр Владимирович предложил, преодолевая некоторое смущение:

— Вы спокойно можете переночевать у меня на веранде. Если поставить второй электронагреватель, будет не холодно. Единственный вопрос — сможете ли вы спать вдвоем на одном диване?

Сестры многозначительно взглянули друг на друга и, пожав плечами, заявили, что смогут.

— Только нам вставать надо будет очень рано, не позже шести, — рассудительно произнесла Ирина.

— Конечно! Утренний кофе и бутерброды гарантирую, — улыбнулся Александр Владимирович. — Поставим будильник.

Дарья, покопавшись в сумке в поисках складного зонта, вдруг как-то невесело улыбнулась:

— Алексанвлдимрч-ч, а мы зачем приезжали?

— За «некоторыми жизненными открытиями»...

— Ага, и за овощами, еще скажите... Мы зарядку вообще-то вам везли!

— Точно, — хлопнул себя по лбу Александр Владимирович, — вот я шляпа!

Дарья вытащила белый скрученный провод, повертела его в руках, а затем, видя, что у преподавателя нет с собой никакого пакета, снова убрала в сумку.

— Ир, напомни, чтобы я зарядку Алексанвлдимрча на даче выложила.

— Без проблем, — ответила Ирина, и они побрели в обратный путь.

Дома все вместе они допили оставшийся коньяк, и, постелив девочкам на диване, Александр Владимирович удалился в свою комнату.

«Какой странный вечер, — подумал он, подбросив дров в почти прогоревшую печку. — Какая странная эта младшенькая. Что это значит? Зачем? Был какой-то подтекст в том, что они приехали вдвоем? И случайно ли остались? От лица открывателя наглядных механизмов фатума последняя мысль особенно пикантна».

На веранде еще какое-то время была слышна негромкая возня и шепот, но затем все стихло.

Он сел за стол, включил настольную лампу и отодвинул давно севший ноутбук. На столе лежало несколько старых толстых томов, которые он время от времени мусолил, перечитывая на даче. Открыл «Слово о словах» Льва Успенского. Глаз пытался зацепиться за какой-нибудь яркий афоризм или интересную фразу, но таковой либо не попадалось, либо было много отвлекающих факторов, и чтение не шло. Он прислушался к происходящему на веранде. На мгновение ему показалось, что кто-то скребется в дверь. «Чушь, — решил он, — больно нужен ты молодым и красивым...» И он снова услышал легкое шуршание. «Ирина!» — обожгла его догадка, и он, встав из-за стола, на цыпочках пошел к двери. Собственно, он ее и не запирает. Подойдя и поняв, что ручку кто-то держит с той стороны, он потянул дверь на себя. В проеме показалась голова Даши. «Ну конечно, не Ирина», — с сожалением вздохнул про себя Александр Владимирович, отступая на середину комнаты.

— Заходите...

— Вы зарядку так и не взяли у меня, — прошептала она.

Ее вид несколько обескуражил его:

— Вы не замерзнете? Не май месяц все-таки. Давайте я на вас одеяло накину.

— Только тише, пожалуйста... она только уснула, — прошипела Даша, кивая в сторону веранды и плотно прикрывая за собой дверь. — А у вас что, никакого крючка или задвижки нет?

Он отрицательно мотнул головой:

— Нет...

— Я пришла... извините... зарядку принести. И поговорить, если можно. Не отвлекаю?

— Конечно, можно. — Александр Владимирович зарядки в ее руках не увидел и показал ей на свой диван, а сам снова присел за стол.

— Вы все время говорили, — снова зашептала Дарья, — говорили. А меня как будто бы и не было.

— Почему же? Вы тоже были участницей беседы.

— Да ладно. Вы совсем на меня внимания не обращали. Скажите, вам так интересна Ирина?

– Подождите, Даша, – опешил от такого темпа Александр Владимирович, – что значит «интересна»? Что вы имеете в виду?

– Вы прекрасно понимаете что! Мне показалось, я... казалось, что вы... вы меня пригласили... Ведь вы же меня пригласили?

– Вас. Но это же вы взяли с собой сестру.

– Она не моя сестра!

Повисла долгая пауза, которую красноречиво украшало тиканье настенных часов и потрескивание дров в печи. Настольная лампа, освещающая небольшой круг стола, почти не доставала до фигурки на диване. Александру Владимировичу ни о чем не хотелось спрашивать Дарью, на что она, видимо, сильно рассчитывала, но он молчал, прекрасно понимая, что ей самой придется заговорить первой. С какой стати эта девчонка вынуждает его играть в свои непонятные игры? Молодость и смазливость еще не дают никаких прав им управлять.

– Это моя подруга. Учится в интернате. Приехала на пару дней из Твери. У нее молодой человек здесь. Она у него остановилась. А сегодня утром они поссорились страшно, и он ее выгнал. У меня остановиться нельзя. И оставить ее не с кем совсем в чужом городе и в таком состоянии.

– Я не против. Но зачем вы все это мне рассказываете?

– Да как же вы не понимаете, я ехала... Я думала...

– Что?

– Ничего!

– А ведь вы специально эту последнюю несуществующую электричку выдумали, – неожиданно даже для самого себя произнес Александр Владимирович.

– Ну, знаете! Простите, Александр Владимирович, больше не повторится! – Дарья вскочила с дивана, метнувшись к веранде.

– Ну подождите, – тоже вскочил Александр Владимирович.

Но было поздно. Дарья рванула на себя ручку, распахнув дверь. В неясном свете от фонаря, подсвечивающего веранду с улицы, они оба увидели стоящую в проеме Ирину.

Дарья, охнув от неожиданности, вздрогнула и опрометью проскочила за ее спину, а он,

смутившись, отступил вглубь комнаты. Секунд через десять, которые показались ему вечностью, кто-то из девочек тихо прикрыл оставленную дверь.

– Фу ты, – только и смог прошептать про себя Александр Владимирович, – старый ты конь.

В доме воцарилась полная тишина.

«Похоже, я всё испортил... – подумал он. – Хотя, с другой стороны, что – «всё»? Даша, видимо, рассчитывала на какие-то отношения, но Ирина совершенно отгеснила всё внимание на себя. Эта невзрачная мышка оказалась притягательнее своей роскошной псевдосестры... Неинтересная интереснее интересной. Ну и что говорит Успенский?..» Взгляд Александра Владимировича упал на лежащий перед ним том. Он раскрыл его на середине и, как гадающие на книгах, хотел прочитать первую попавшуюся фразу, но не смог оторваться и прочел целый кусок, настолько ему показалось это подходящим:

«В той же книге Г. Гора описывается любопытная сценка между русским учителем арифметики и его учеником – нивхом Нотом:

«Задача была легкая, совсем простая, но Нот никак не мог ее решить. Нужно было к семи деревьям прибавить еще шесть и от тридцати пуговиц отнять пять.

– Какие деревья? – спросил Нот. – Длинные, короткие? Какие пуговицы? Круглые?..

– В математике, – ответил я, – не имеют значения качество и форма предмета.

...Нот меня не понял. И я тоже не сразу понял его. Он мне объяснил, что у нивхов для длинных предметов существуют одни числительные, для коротких – другие, для круглых – третьи».

– Понятно, – сам себе сказал Александр Владимирович. – Понятно, что ничего не понятно. У всех существуют свои числительные. И каждый складывает их по-своему. Всё. Спать. Немедленно спать. Всё, что можно, я уже сегодня сделал.

Он лег на диван не раздеваясь. Решил, что, судя по тому, как началась эта ночь, нужно быть готовым ко всему.

Однако на этом все приключения закончились. Будильник, застрекотавший под утро на веранде, был слышен и в комнате.

Преодолев легкое чувство неловкости и приведя себя в порядок, все сели завтракать. Хозяин разбил пышную яичницу на шесть яиц с черным прижаристым хлебом, натёр туда сыра, покрошил укропа, а также разлил по чашкам растворимого, но ароматного кофе с молоком.

— Как спалось? — как можно равнодушнее спросил он. — Не замерзли?

— Спасибо, Алексанвлдимрч-ч, — исподлобья поглядела Дарья на своего преподавателя, который как раз старался не встречаться с девушками взглядами, — было совсем не холодно.

— Да, даже как-то слишком жарко. Трудно уснуть было, — с металлом в голосе проговорила подруга.

Они дошли до вокзала вовремя. Взяли билеты, а Ирина под удивленные взгляды Даши и Александра Владимировича успела даже покурить.

Уже в дверях электрички он обратился к Да-ше, но так, чтобы слышала Ирина:

— Счастливого пути и...

— Что «и», Алексанвлдимрч-ч? — намеренно перебила его Дарья.

— ...Спасибо за сестру, — нашелся он, хотя намеревался сказать совсем не это. — Она у вас

умменькая не по годам. Помогла мне еще одно открытие сделать...

— Ну, это вы можете и сами ей сказать, — улыбнулась Дарья.

Ирина молча стояла рядом, переводя взгляд то на нее, то на него.

После того как поезд тронулся и Александр Владимирович двинулся к поселковому магазинчику, у него зазвонил телефон.

— Алексанвлдимрч-ч, — проговорила трубка голосом Дарьи, — а мы зачем все-таки приехали?

— Ах ты ж! — только и смог он выдать из себя. — У меня, похоже, дежавю какое-то. По сценарию я должен ответить: за «некоторыми жизненными открытиями».

— А я — сказать что-то про овощи?

— Ну шляпа я! Что могу сказать? Шляпа! Ладно, захватите мою зарядку в институт в понедельник. И спасибо еще раз. Вы уж простите...

На душе было свежо и пусто, как в окрестном пейзаже.

□

Алексей Дмитриевич АХМАТОВ

родился в 1966 году в г. Ленинграде.

Поэт, публицист, прозаик.

Публиковался в различных журналах и альманахах, антологиях, в том числе «Нева», «Звезда», «Аврора», «Юность», «Литературная учеба», «Немига литературная», «День поэзии», «Русские стихи 1950–2000», «Литературный Петербург XX век» и т. д.

Лауреат литературных премий им. Б. Корнилова (2010),

им. Н. В. Гоголя (2016), «Русский Гофман» (2018) и др.

Член Союза писателей России.

Заместитель председателя поэтической секции

Санкт-Петербургской писательской организации СПР.

Руководитель общества «Молодой Петербург»,

главный редактор одноименного ежегодника.

